

ПО НИЖНЕМУ ДУНАЮ.

(Изъ бывшихъ замѣтокъ проезжаго).

Поездка по Дунаю представляетъ большой интересъ для каждого русскаго путешественника—вслѣдствіе значенія этой рѣки въ нашей исторіи вообще, и въ особенности въ исторіи русскаго войска и его славныхъ подвиговъ. Рѣка Дунай всеми русскими считается какъ бы родною рѣкою—такъ велика связь между исторіею этой рѣки и русскою исторіею, въ особенности въ періодъ нынѣшняго столѣтія. Послѣ Волги и Днѣпра, изъ числа большихъ рѣкъ, это одна изъ самыхъ знакомыхъ, по названію, рѣкъ для русскаго человѣка, въ особенности для нашихъ южанъ, въ устахъ которыхъ услышать пѣсню о «синемъ Дунаѣ» вовсе не рѣдкость. Оно и понятно, если вспомнить и далекое, и близкое прошлое...

Но нельзя не замѣтить, что плаваніе по Дунаю, вверхъ по рѣкѣ, само по себѣ есть дѣло скучное, вслѣдствіе продолжительности, по сравненію съ желѣзно-дорожнымъ движеніемъ. А потому и нельзя не предвидѣть, что въ ближайшемъ будущемъ — установленіе прямыхъ желѣзно-дорожныхъ сообщеній нашего юга съ западомъ Европы лишитъ Дунай значенія пассажирскаго транзита: немного найдется охотниковъ, напримѣръ изъ Одессы, плыть вверхъ по Дунаю, хотя бы до Базиаша, вмѣсто переезда желѣзными путями чрезъ Кишиневъ и Яссы, и далѣе, Черновицы и Львовъ—въ Вѣну, или по другому, изъ многихъ, уже проектированныхъ, а отчасти и устраивающихся путей.

I.

ОТЪ ОДЕССЫ ДО ГАЛАЦА.

Русское общество «Пароходства и торговли» по дунайской линіи содержитъ сообщеніе отъ Одессы до Галаца; выше этого города приходится идти на пароходахъ «Австрійскаго Дунайскаго общества».

Между Одессою и Галацомъ ходить, еженедѣльно, только одинъ пароходъ «Таврида».

Въ Одессѣ, въ агентствѣ «Русскаго общества», находящемся въ Карантинной гавани, можно покупать билеты на прямой проѣздъ отъ Одессы до Вѣны; при этомъ, предоставляется на выборъ каждаго— или совершить весь путь водою, по Дунаю, или, отъ Базиаша, воспользоваться желѣзною дорогою чрезъ Пестъ въ Вѣну. Путевой билетъ сохраняетъ силу въ теченіе мѣсяца. Плата за весь путь довольно дорога—за 1-й классъ съ насъ взяли за одно мѣсто 105 р. 75 к. Полагается, что за эту плату насъ везуть, при желаніи, все время водянымъ путемъ, отъ Одессы до устьевъ Дуная, и далѣе, вверхъ по этой рѣкѣ, до самой Вѣны, и, въ теченіе всего времени, приблизительно около шести сутокъ, продовольствуютъ.

Въ понедѣльникъ, 14-го іюня, въ 6 часовъ вечера, пароходъ «Таврида» снялся съ якоря и вышелъ изъ Карантинной гавани одесскаго порта. Публики было не особенно много, но и не мало; говорили, что бываетъ гораздо больше.

Пароходъ «Таврида» опрятенъ и довольно уютенъ; но, по своимъ размѣрамъ, далеко меньше пароходовъ, совершающихъ сообщеніе между Одессою и крымскими портами, и проч.; что, конечно, обуславливается предстоящимъ переходомъ по мелководному дунайскому гирлу. Столъ—удовлетворителенъ, прислуга—внимательна, постели опрятны, однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ. Большая часть пассажировъ 1-го класса были или одессы, или кавказцы, а отчасти и изъ другихъ частей нашего юга; большинство направлялось на Вѣну.

Путь парохода лежалъ почти все время вдоль морскаго берега, который былъ видѣнъ до наступленія темноты. Сначала прошли, довольно красивою панорамою, пригородныя одесскія дачи и похѣстья, расположенныя на довольно возвышенномъ, мѣстами освѣвшемъ, при морскомъ берегу; далѣе тянулся тотъ же берегъ, болѣе или менѣе украшенный зеленью, покрытый пашнями, пастбищами, рѣдкими перелѣсками... Наконецъ, вдали обозначилось низменное устье Днѣ-

стровскаго лимана, и затѣмъ потянулось плоское прибрежье Бессарабии, мало по малу слившееся съ горизонтомъ моря...

Пароходъ шелъ ходко. На морѣ было тихо; лишь самая легкая, едва замѣтная рябь пестрила его зеркальную поверхность.

Смерклося. Вскорѣ лунный свѣтъ, дробясь на поверхности моря, освѣтилъ налубу парохода, на которой группировались пассажиры. Приятные женскіе голоса раздались на налубѣ; слышались русскіе романсы и пѣсенки, напоминавшія родную Русь, отъ которой насъ удалялъ каждый ударъ пароходныхъ колесъ...

Говоръ и шумъ вояругъ парохода, умирившаго свой ходъ, заставилъ меня вскакать съ уютной постели. Легкій сумракъ говорилъ, что было еще очень рано, и, дѣйствительно, часы показывали 2 часа 45 минутъ пополудни. Мы вошли въ Сулинское гирло Дуная (Сулина-Богазы).

Мутная струя средняго рукава Дуная едва вырисовывалась въ полночномъ сумракѣ. Въ воздухѣ стояла сильная сырость, и, благодаря белотыстымъ берегамъ, сырость гнилая. Повсюду насъ мерцали маяки, поставленные у входа въ гирло. По обѣимъ берегамъ видѣлись зданія, раскиданныя при самомъ устьѣ Сулинскаго рукава; въ нѣкоторыхъ огняхъ свѣтился огонекъ. Вдоль береговъ рѣки тѣснилось множество судовъ, стоящихъ длинными рядами на якоряхъ, одно за другимъ. То была выростающая *Сулина* — небольшой городокъ, но преимуществу группирующійся на правомъ берегу рѣки и состоящій изъ деревянныхъ домиковъ и барановъ, съ небольшою православною церковью. Сулина — исходный пунктъ работъ, уже отчасти произведенныхъ на среднемъ рукавѣ Дуная — которому иностранцы придаютъ названіе «Сулинскаго канала». Глубину его опредѣляютъ между 12—18 мутами. Городъ населенъ рабочимъ людомъ, представляющимъ всякій сбродъ отовсюду; здѣсь же берутъ лодмановъ для дальнѣйшаго плаванія.

Нашъ пароходъ, тихимъ ходомъ, продолжалъ подвигаться впередъ, вслѣдствіе мутно-желтой струи рѣки; шумъ колесъ глухо раздавался въ ночной тишинѣ, нарушаемой лишь говоромъ и криками нѣсколькихъ лодочниковъ, приставшихъ къ борту парохода. Одна изъ лодокъ доставила на пароходъ лодмана, другая — какихъ-то официальныхъ лицъ...

Южно-русскій говоръ долетѣлъ до моего слуха. Я взглянулъ въ ту сторону. У лѣваго борта парохода прыгала, высоко подымавши носовую часть, небольшая лодка, привязанная къ пароходу. На ней

поміщались два матроса, оглашавшіе воздухъ громкою русскою рѣчью и о чѣмъ-то хлопотавшіе. Оказалось, что, въ копынкахъ, они уренили руль; стали ловить его и упустили весло. «Ничего, отвязывай веревку—поймаемъ!» и лодка исчезла въ сырой мглѣ, окружавшей пароходъ...

Но вотъ просвѣтлѣло, прояснилось. Мгли позади насъ порасчистилась. Восточный горизонтъ побагровѣлъ—и яркіе лучи іюньскаго солнца разомъ облили окружающую насъ, на далекое пространство, болотистую мѣстность, сплошь покрытую высокими камышами и мелкимъ кустарникомъ. Воды Сулинскаго рукава Дуная—вблизи похожія на гороховый супъ, вдали казались серебристою лентою, вплотную обрамленною камышемъ. По правому берегу рѣки тянулася неказисто устроенная телеграфная линія. Виднѣлся и «бичевникъ», мѣстами затопленный высокою водою; кое-гдѣ встрѣчались полуразрушенныя хижинки и сарайчики: притоны рыбаковъ, и, говорятъ, бывшіе наши посты. Хижинки, большею частію, гнѣздятся не въ сѣнію развѣсистыхъ ивъ, и нерѣдко смотрятъ какъ бы совершенно оставленными, необитаемыми.... Множество болотныхъ и водяныхъ птицъ встрѣчалось по берегамъ рѣки; онѣ непрерывно поднимались съ низменной окраины берега и перелетали съ мѣста на мѣсто, испуганный шумомъ парохода. Налѣво, въ полутуманной дали, обрисовывались слухоты, покрытыхъ лѣсомъ, Кара-Урманскихъ высотъ, а вправо виднѣлся очеркъ Радакульскаго лѣса, растущаго близъ устья Дуная, между Сулинскими и Вилійскими гирлами. По временамъ встрѣчались суда, идущія или стоящія на якорныхъ мѣстахъ, обозначенныхъ соответствующими знаками; встрѣчались и небольшія лодки, съ лодочниками, суда по одеждѣ—турками, а подчасъ и русскими.

Послѣ небольшихъ рѣченосъ, въ устьяхъ которыхъ торчали рыболовные снасти, показалась широкая полоса водъ Георгіевскаго гирла, загражденнаго искусственными сооруженіями, вѣроятно съ цѣлюю направить воды Дуная по Сулинскому гирлу; вскорѣ затѣмъ обозначился и г. *Тулча*, расположенный на возвышенномъ берегу, ограничивающемъ правый берегъ Георгіевскаго рукава Дуная. Высоты эти съ дальняго разстоянія вырисовываются синеватыми очерками, и, затѣмъ, тянутся вдоль рѣки, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ ея праваго берега, почти до самаго Галаца.

Путь вверхъ по Сулинскому рукаву Дуная, отъ Сулины до Тульчи, (по приблизительному расчету около 85 верстъ) былъ пройденъ па-

реходомъ отъ 3-хъ (съ небольшими) часовъ по-полуночи до 9-ти часовъ утра, т. е. почти въ теченіе 6-ти часовъ.

Тульча— главный городъ санджака, или губерніи того же имени. Городъ красивыиъ афимтеатромъ спускается по уступамъ нагорнаго берега, и представляетъ какъ бы собраніе болѣе или менѣе красивыхъ домиковъ и дачъ, болѣе или менѣе плохенькихъ домишекъ, беспорядочно разбросанныхъ по высотамъ и холмамъ, составляющимъ скаты нагорнаго берега. Всѣхъ домовъ считается въ Тульчѣ до' 2,400; въ томъ числѣ до 800 домовъ или дворовъ принадлежитъ русскимъ (некрасовцамъ), до 400 болгарамъ, до 350 молдаванамъ, болѣе 200 грекамъ; затѣмъ остальные евреяиъ, туркамъ и проч. Общее число жителей простирается до 11,000 человекъ. Два православные храма, расположенные на отдѣльныхъ высотахъ, рѣзно выдѣляются изъ среды строеній. Зеленъ садовъ скрашиваетъ видъ. На самомъ берегу устроены парходныя пристани, противъ которыхъ находятся ряды каменныхъ зданій, гдѣ помѣщаются парходныя агентства. Если бы не толпа турецкихъ солдатъ, собравшихся на пристани, то городъ, по его наружному виду и мѣстоположенію, можно бы было принять за приволжскій городокъ, гдѣ—нибудь по нагорному берегу Волги. Солдаты, въ одеждѣ турецкаго покроя, тѣснились на пристани (*). Довольно красивый типъ и стройность ихъ намекаютъ на ихъ кавказско-горское происхожденіе; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. Тульча считается одною изъ станцій турецкой дунайской флотилии; и, дѣйствительно, близъ этого города стояла одна турецкая канонира.

У Тульчи парходъ останавливался на нѣсколько минутъ. Вскорѣ мы двинулись въ путь, и, миновавъ извѣстный мысъ Чатакъ и истокъ Килийскаго рукава Дуная, текущаго также по болотистой, камышомъ покрытой мѣстности—вступили въ широкія воды нераздѣльнаго Дуная.

Въ 11 часовъ мы прошли *Исакчу*—небольшой городокъ, расположенный на возвышенномъ, правомъ берегу Дуная; благодаря обилію минаретовъ, въ противоположность Тульчѣ, Исакча имѣетъ вполне восточную, магометанскую фizioномію.

Здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, были открыты первыя военныя дѣйствія русскихъ противъ турокъ, въ 1853 году.

Извѣстно, что во время запятія нашими войсками дунайскихъ

(*) Солдаты были одѣты въ темносинія куртки (минтайъ), съ красными погонами и приборами; синіе же жилеты; того же цвѣта широкія шаравары (шалъвары), заправленные въ высокія сапоги; на головахъ были глубоко надвинуты красныя фесы съ черными кистями.

княжество, въ 1853 году, въ самомъ началѣ сентября, раздалась со стороны турокъ первые выстрѣлы по нашимъ передовымъ постами, расположеннымъ вдоль лѣваго берега Дуная.

Князь Горчаковъ, желая имѣть часть нашей дунайской флотиліи для прикрытія береговъ Валахія, а также въ цѣляхъ усилить оборонительныя средства Галаца и Браилова, занятыхъ нашими войсками, приказалъ части флотиліи подняться вверхъ по Дунаю. Назначенный для этого отрядъ долженъ былъ выйти изъ Измаила, и, слѣдуя по Килийскому рукаву, войти въ Дунай, и пройти подъ выстрѣлами Исакчи. Исакча, старинная крѣпостца, упраздненная по трактату 1829 года, въ теченіе лѣта 1853 года была приведена турками въ оборонительное состояніе и вооружена 27-ю орудіями большого калибра. Первоначально, было приказано пройти флотиліи мимо Исакчи ночью, но начальники экспедиціи и офицеры, «не желая укрываться отъ непріятеля въ темнотѣ ночи», просили позволенія исполнить плаваніе днемъ. Разрѣшеніе было дано.

11-го октября, въ 8^{1/2} часовъ утра, флотилія наша явилась передъ Исакчею; турки встрѣтили ее мѣткими выстрѣлами съ своихъ укрѣпленій. Завязалась сильная канонада, въ началѣ которой былъ убитъ флота капитанъ Варпаховскій. Флотилія, нанося сильный вредъ турецкимъ укрѣпленіямъ, продолжала свой путь. Часть артилеріи укрѣпленія была сбита, городъ зажженъ, а лагерь турецкаго отряда, расположенный подлѣ укрѣпленія, почти истребленъ, при чемъ турецкія войска разбѣжались. Флотилія наша находилась подъ непрерывнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей около полутора часа. При дальнѣйшемъ слѣдованіи флотиліи, дѣйствіе артилеріи нашихъ судовъ противъ турецкихъ пикетовъ и кордоновъ, расположенныхъ по правому берегу Дуная, продолжалось до самаго города Рени. Этимъ самымъ подвигомъ были открыты, съ нашей стороны, военныя дѣйствія противъ Турціи.

Говорятъ, что Исакча до сихъ поръ не можетъ вполне оправиться отъ нанесеннаго ей погрома. Пароходъ нашъ не останавливался у этого городка, а прошелъ мимо.

Отъ Исакчи, нагорье праваго, возвышеннаго берега постепенно удаляется отъ Дуная, уступая мѣсто болотистому побережью, покрытому многочисленными озерами. Лѣвый берегъ сохраняетъ свой низменный характеръ. Вдали виднѣются громадныя озера Ялпухъ и Кагулъ. За послѣднимъ озеромъ, на возвышенномъ берегу его, широко раскинулось красивое и населенное мѣстечко Фрияцея. Вотъ и бывший нашъ городъ Рени, строенія котораго тянутся почти вдоль са-

маго лѣваго, въ этомъ мѣстѣ нѣсколько возвышеннаго, берега Дуная. Рени, имѣющій до 8,000 жителей, до сихъ поръ сохраняетъ видъ нашего небольшого провинціального городка. За этимъ городомъ виднѣются заброшенныя зданія бывшаго пограничнаго карантина, расположеннаго близъ мало замѣтнаго и далеко неказистаго устья рѣки Прута. Черезъ часъ — открылся широкой видъ на *Галацъ*, который растянулся по лѣвому возвышенному берегу Дуная, въ этомъ мѣстѣ широко разливаемаго свои воды. Множество вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ служило какъ бы преддверіемъ городу; значительное число судовъ, стоявшихъ у самаго берега и въ разныхъ мѣстахъ рѣки, говорило о его торговомъ значеніи. Пароходъ «Лаврида», привѣтствуемый съ австрійскаго парохода «Albrecht», который ожидалъ нашего прибытія, подошелъ къ пристани агенства «Русскаго Общества» ровно въ 1³/₄ пополудни, пройдя весь путь отъ Одессы до Галаца въ теченіе около 20 часовъ.

II.

ОТЪ ГАЛАЦА ДО ЧЕРНОВОДЬ.

И такъ, самыя низовья Дуная пройдены. Приходилось проститься съ русскимъ пароходомъ и перейти на ожидавшій насъ, австрійскій пароходъ, «Albrecht». Но не тутъ-то было. На нашей пристани явилось нѣсколько красивыхъ валаховъ съ неизбѣжными «барбешами» (французскія бородки) и объявили, что, до осмотра пассажировъ докторомъ, они не могутъ быть спущены на берегъ. Неблагообразные валахскіе милиціонеры (граничары), стоявшіе у входа на пристань, скрестили ружья, и, такимъ образомъ, валахскій берегъ сдѣлался недоступенъ. Нашъ капитанъ бесплодно протестовалъ противъ этого распоряженія, предъявляя свидѣтельство нашего одесскаго карантина. Нашъ консулъ въ Галацѣ также не могъ отворотить страннаго распоряженія. Ничего не помогло — валахи настаивали на своемъ, ссылаясь на такія-то извѣстія, что будто бы въ Одессѣ свирѣпствуютъ какія-то ужасныя, заразительныя болѣзни. Консулъ принужденъ былъ уступить, хотя и успокоивалъ смущенныхъ пассажировъ обѣщаніемъ немедленно донести объ этомъ странномъ событіи (происходившемъ 15-го іюня стараго стиля) нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Рассказывали, что подобные случаи съ нашими пароходами въ Галацѣ нерѣдки!... Докторъ, назначенный для осмотра пассажировъ, явился, по крайней мѣрѣ, чрезъ часъ, и былъ встрѣченъ выраже-

ніемъ всеобщаго неудовольствія. Онъ, очевидно, былъ сконфуженъ, но, вмѣсто извиненія, лепеталъ неумѣстныя отговорки... Формальная сторона осмотра была быстро окончена, и пассажиры пропущены на берегъ....

Галацъ—одинъ изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе торговыхъ городовъ Румыніи; онъ имѣетъ до 37,000 жителей. Географическое положеніе города, лежащаго на излучинѣ Дуная, между устьями рѣки Прута и Серета, возвышаетъ торговое значеніе Галаца. Главные предметы вывоза составляютъ хлѣбъ и скоть, а ввоза: колоніальныя и мануфактурныя товары, машины и проч. Здѣсь встаетъ замѣтить, что почти на всѣхъ валахскихъ пристаняхъ мы замѣтили значительное число выгруженныхъ машинъ, и въ особенности машинъ сельскохозяйственныхъ, а также локобилей. Большая часть этихъ машинъ, судя по ярлыкамъ, англійскаго происхожденія и доставлены сюда изъ Лондона. Наибольшее число этихъ машинъ было мною замѣчено въ Галацѣ, въ Браиловѣ, и особенно въ Журжѣ, соединенной желѣзною дорогою съ Букарештомъ, и служащей какъ бы портомъ для столицы Румыніи.

При этомъ припомнимъ, что желѣзный путь отъ Букарешта, чрезъ Плоешти, Бузеу и Браиловъ, идетъ къ Галацу, и, такимъ образомъ, захватываетъ значительную часть Большой Валахіи. Отъ Галаца же идетъ (долиною рѣки Серета) въ Черновицу также желѣзный путь, вдоль всей Молдавіи, съ вѣтвью на Яссы. Такимъ образомъ, Галацъ служитъ портомъ для всей Молдавіи.

Галацъ расположенъ частью на слегка покатомъ берегу, частью на высотахъ. Часть, прилегающая къ берегу Дуная, какъ и всѣ румынскіе города, весьма грязна. При вступленіи нашемъ на берегъ, весьма непріятный запахъ осадилъ насъ на первыхъ же шагахъ и отнял всякое желаніе вглянуть поближе на городъ. Впрочемъ, видѣвшіе внутреннюю и болѣе возвышенную часть города находятъ, что эта часть города удовлетворительна. Большая часть пассажировъ «Тавриды» перешли тотчасъ же на близъ стоявшій австрійскій пароходъ, а нѣкоторые, имѣвшіе намѣреніе отправиться по желѣзной дорогѣ на Черновицы, отправились въ городъ. Несмотря на кружной желѣзный путь изъ Галаца чрезъ Черновицы, Львовъ и Браковъ, послѣдніе прибыли въ Вѣну значительно ранѣе насъ.

Австрійскіе дунайскіе пароходы въ прежнее время славятся своимъ комфортомъ, доходившимъ до роскоши, и всевозможными удобствами. Но, сколько можно замѣтить, время это начинаетъ проходить, и намъ кажется, что, несмотря на желѣзно-дорожную не-

урядству въ Румыніи, недалеко то время, когда дунайское пассажирское пароходство потеряетъ значительную долю своего значенія. Но нужно признаться, что и теперь пароходы эти весьма недурны.

Пароходы очевидно построены, главнымъ образомъ, для рѣчныхъ перевозовъ, съ расчетомъ на перевозъ пассажировъ. Пароходъ «Albrecht», на который мы вступили, весьма почтенныхъ размѣровъ. Каютъ пассажировъ I-го класса устроена очень удобно. Обширная каютъ-компанія возвышается на палубѣ парохода; кругомъ ея галерея, идущая вдоль бортовъ и прикрытая навѣсомъ; наверху — обширный балконъ, также прикрытый тентомъ; внизу весьма обширное помѣщеніе для дамскихъ и мужскихъ спаленъ. Въ числѣ особенностей парохода, сравнительно съ нашими черноморскими, слѣдуетъ указать на особое отдѣленіе каютъ-компаніи, предназначенное для курящихъ; особыя каютки верхней палубы (cabinе) для желающихъ. Устройство спаленъ также удобно: онѣ помѣщаются въ отдѣленіяхъ, въ видѣ стойлъ, по четыре постели въ каждой, но закрываются не дверями, а занавѣсами, и такъ, что, вмѣсто сплешнаго коридора, между спальнями образуется довольно широкій проходъ, со стороны котораго отдѣленія прикрываются, по желанію, занавѣсами; чрезъ это теченіе воздухъ гораздо свободнѣе; при этомъ постели значительно шире и длиннѣе нашихъ. Наконецъ, нельзя не указать на разнаго рода мелкія удобства, въ числѣ которыхъ довольно видную роль играютъ въ жаркое время ванны, всегда готовые для желающихъ.

Прислуга на пароходѣ многочисленная и весьма внимательная. Столъ весьма удовлетворительный, хотя, по отзыву людей знающихъ дунайскіе пароходы съ давнихъ временъ, менѣе роскошенъ, чѣмъ въ бывшее время. Завтраки и обѣды щеголяютъ не столько качествомъ, сколько количествомъ блюдъ; при этомъ подается красное и бѣлое венгерское вино хорошаго достоинства (наше крымское вино, подаваемое на черноморскихъ пароходахъ, не уступало бы ему, если бы выборъ и, въ особенности, сохраненіе вина пользовалось большимъ вниманіемъ, а то случается пить «кислятину», и увы! выслушивать, со стороны незнающихъ пассажировъ несправедливые упреки и нареканія вообще противъ крымскихъ винъ).

Капитанъ и его помощники — по преимуществу изъ сербовъ (далматинцевъ) и италянцевъ (фриульцевъ) — люди весьма приличные, очевидно хорошо знающіе свое дѣло и владѣющіе многими языками, что необходимо при чрезвычайномъ разнообразіи національностей среди пассажировъ.

Вступая на пароходъ, мы уже застали тамъ пассажировъ, почти исключительно румыновъ, съ ихъ семействами.

Въ четыре часа пополудни раздался звонокъ и, въ то же время, на пароходъ былъ поднятъ русскій военный флагъ: этою любовностію мы были обязаны капитану, узнавшему, что среди пассажировъ находился русскій адмиралъ. Вслѣдъ за тѣмъ, пароходъ «Albgescht» двинулся въ дальнѣйшій путь и, пройдя вдоль весьма болотистаго, праваго берега Дуная, ровно чрезъ часъ, т. е. въ пять часовъ пополудни, прибылъ къ торговому городу *Бранлову*. Верстахъ въ 12 выше его — отдѣленный широтою подою болотъ, прорѣзаннымъ крутою излучиною Дуная и его многочисленными артоловъ — видѣлся *Мачинъ*.

Галацъ, Бранловъ, Мачинъ — названія громкія въ исторіи подвиговъ русскихъ войскъ. Здѣсь, въ послѣднюю кампанію, совершена переправа нашихъ войскъ на правый берегъ Дуная, 11-го и 12-го марта. Переправа эта совершена: у Бранлова — войсками, подъ личнымъ распоряженіемъ командующаго князя Горнакова, у Галаца — войсками, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса. Послѣдняя переправа исполнена безъ потерь; въ то же время отрядъ генерала Лидерса, выдвинувшись къ с. Гарвану и далѣе, по направленію на Мачинъ, тѣмъ самымъ способствовала занятію этой крѣпости войсками отряда князя Горнакова, который съ боя взяли опорный пунктъ на правомъ берегу Дуная, противъ Бранлова. Кромѣ того, на генерала Ушакова было возложено совершить вспомогательную переправу между Тульчею и Исакчею, о которыхъ мы говорили выше. Эта вспомогательная переправа, исполненная съ Чатальскаго мыса, противъ старой Тульчи, стоила намъ недешево: турки, благодаря сильнымъ укрѣпленіямъ, упорно ототанавливали этотъ пунктъ. Взятіе генераломъ Ушаковымъ крѣпкой позиціи у Старой Тульчи и переправа у Галаца и Бранлова имѣли слѣдствіемъ — очищеніе турецкими войсками Бабадагской области.

Вглядываясь въ болотистую мѣстность праваго берега Дуная, лежащую противъ Бранлова, и припоминая, что все вышеописанное происходило въ мартъ мѣсяцъ, при сильномъ вѣтрѣ, въ непогоду, — мы старались представить себѣ это бывшее; но намъ въ этомъ очень мѣшала совершенно противоположная дѣйствительность настоящаго. Болота праваго берега, очевидно, значительно пересохли и мѣстами были покрыты красивыми желтыми цвѣтами; на озерахъ, разбросанныхъ по низменности, рѣзко отражались лучи заходящаго январскаго солнца; высоты Мачина и Гарвина, узкимъ влиномъ вдающіяся въ

болотистую мѣстность, рѣзкими очертаніями вырисовывалось на яркой синевѣ неба; Браиловъ былъ оживленъ: на прибрежьи толпились массы народа, стояли возы, слышенъ былъ какъ бы ярмарочный шумъ и говоръ....

Въ Браиловъ считается до 26,000 жителей. По своимъ торговымъ оборотамъ, онъ соперничаетъ съ Галацомъ, и какъ послѣдній есть одно изъ важнѣйшихъ средоточій торговли Молдавіи, такъ Браиловъ служитъ тѣмъ же для восточной или Большой Валахіи.

Между тѣмъ, пароходъ отошелъ отъ Браилова, и подвигался по извилинамъ рукавовъ Дуная, которыми изрѣзано пространство между Браиловымъ и *Гирсовымъ*. Все это пространство отличается болотистой мѣстностью, которую разнообразить лишь кусты ивыняка и оживляютъ стада водяныхъ птицъ, среди которыхъ весьма замѣтную роль играютъ огромныя стада лебедей.

Но вѣтъ стемнѣлось, и пароходъ нашъ, завернувъ на короткое время къ Гирсову, отправился къ *Черноводамъ*, гдѣ, около 8 часовъ вечера, остановился на ночлегъ. Здѣсь береговая станція желѣзной дороги, идущей между м. Черноводами—которое лежитъ на правомъ берегу Дуная, на значительномъ возвышенномъ берегу, у остатковъ знаменитаго Троянова вала—и *Кюстенджа* (портъ на Черномъ морѣ).

III.

СИЛИСТРИЯ. — КАЛАРАШЪ. — ОЛЬТЕНИЦА. — ТУРТУКАЙ. — ЖУРЖА. —
РУЩУКЪ. — НИКОПОЛЬ.

Около десяти часовъ утра, другого дня (16-го іюня стараго стиля), пароходъ нашъ, обогнувъ обширные острова, покрытые мелкимъ вустарникомъ, приблизился къ *Силистріи*...

На правомъ, низменномъ берегу Дуная виднѣлся довольно значительный городъ, примыкавшій къ соедѣнному нагорному берегу рѣки. Старинныя укрѣпленія ограничиваютъ городъ, но не придаютъ ему особой силы.

Извѣстно, что въ послѣднюю войну нашу съ Турціей, Силистрія превращена, скорѣе, въ укрѣпленный лагерь, чѣмъ крѣпость. По указанію иностранныхъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ были пруссаки и англичане, на соедѣнныхъ высотахъ, командующихъ Дунаемъ, городомъ и окружающею мѣстностью, были возведены довольно сильныя укрѣпленія, образовавшія линію передовыхъ фортовъ, въ которыхъ

и заключается вся сила крѣпости Силистріи. Изъ нихъ считаются сильнѣйшими Абдуль-Меджидъ и Арабъ-Табіа.

Извѣстно, что послѣ мѣсячной осады (съ 8-го мая по 9-е іюня 1854 г.) Силистрія, несмотря на довольно сильный гарнизонъ ея, (около 16,000 человекъ), руководимыхъ хорошими иностранными инженерами, несмотря на довольно сильныя укрѣпленія, вынесенныя на командующія высоты, несмотря на относительно сильное вооруженіе крѣпости (около 124-хъ орудій), осада была доведена до такого состоянія, что, въ ночь съ 8-го на 9-е іюня 1854 года, были сдѣланы распоряженія для штурма, который несомнѣнно долженъ былъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Но, въ ту же ночь, получено приказаніе снять осаду и перейти на лѣвый берегъ Дуная. «Это была одна изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ испытанія, говоритъ историкъ, которая для войскъ страшнѣе кровавой битвы и едва ли легче самаго пораженія. Причины снятія осады Силистріи были тѣ же, которыя парализовали наши дѣйствія въ Малой Валахія, останавливали движенія за Дунаемъ, оттягивали отъ военнаго поля и держали въ бездѣйствіи на сторожѣ, на границѣ юго-западной, значительныя силы наши; причины эти заключались въ настоятельныя требованія Австріи. Ея политикѣ принуждены мы были принести ту жертву, которой не могли исторгнуть союзники (т. е. Франція, Англія и Турція). Послѣ этого легко себѣ представить, какое негодованіе накопало въ сердцѣ каждаго солдата противъ тѣхъ, за которыхъ еще недавно (въ 1848 — 1849 гг.) они проливали свою кровь» (*).

Городъ Силистрія, съ его минаретами, съ домами азіатской постройки, съ старинными укрѣпленіями, съ окружавшими его высотами, на вершинахъ которыхъ видѣлись укрѣпленія, представлялъ довольно красивый и оригинальный видъ. Толпа народа, среди которой, на первомъ планѣ, были солдаты, окаймляла плоское прибрежье и парходную пристань. Въ Силистріи, нѣкогда весьма населенномъ городѣ, нынѣ считается, кромѣ гарнизона, около 8,000 жителей, въ числѣ которыхъ болѣе половины турокъ и до 2½ тысячъ болгаръ. Городъ этотъ имѣетъ почти исключительно военное значеніе. Говорятъ, что въ настоящее время турецкое правительство намѣрено значительно усилить крѣпость.

Удаляясь отъ Силистріи, мы бросили взглядъ назадъ, на лѣвый берегъ Дуная, за низменностями котораго, покрытыми густымъ кустарникомъ, видѣлись верхушки зданій, хорошо знакомаго намой

(*) Коралевскій т. II. Война съ Турціею и пр. стр. 237.

арміи, обширнаго румынскаго селенія *Калараша*. Вотъ откуда тянулись наши колонны, обложившія Силистрію, и вотъ гдѣ покоится прахъ многихъ, павшихъ подъ ея стѣнами, какъ во время послѣдней осады, такъ и въ прошлыя войны; тамъ лежитъ неустрашимый Шильдеръ, тамъ же могила убитаго во время неудачнаго, ночнаго, штурма — Сельвана...

Правый берегъ, вверху за Силистріей, начинается весьма замѣтно возвышаться, сохраняя волнистый и холмообразный характеръ. Горы эти, покрытыя красивымъ лѣсомъ, представляютъ большое сходство съ нагорнымъ берегомъ Велги.

Около часа пополудни, мы подошли къ *Ольтеницѣ* (въ двухъ часахъ разстоянія, вверху отъ Силистріи). Слегка покатый, правый берегъ Дуная смотрѣлъ крайне уныло; вправо видѣлось болотистое пространство, покрытое мелкимъ кустарникомъ, слѣва — неказистое устье р. Аржиса; каменные зданія карантна торчатъ одиноко на берегу рѣки; вдали, верстахъ въ двухъ, видѣлись зданія селенія. На противоположномъ берегу Дуная возвышаются Туртукайскія горы, покрытыя мелкимъ лѣсомъ и значительно командующія надъ лѣвымъ берегомъ (въ этомъ мѣстѣ ширина Дуная около 240 саж.).

Здѣсь-то произошло, 23-го октября 1853 года, извѣстное ольтеницкое сраженіе, въ которомъ русскій солдатъ, въ рядахъ Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, съ блескомъ проявилъ свою доблесть. «Пѣхота наша, въ этомъ жаркомъ дѣлѣ, донесла князь Горчаковъ, показала новый опытъ стойкости, порыва и неустрашимости, артилерія—хладнокровія и мѣткости стрѣльбы». И, дѣйствительно, наша пѣхота, громимая турецкими пушками изъ-за окоповъ, съ острововъ, съ командующихъ высотъ, съ судовъ, стоявшихъ вдоль пологого лѣваго берега—все-таки достигла, хотя и съ огромными потерями, до линіи турецкихъ укрѣпленій, расположенныхъ у карантиннаго зданія, а наша полевая артилерія успѣшно боролась даже съ батареями, расположенными на значительныхъ высотахъ праваго берега.

Неудачный исходъ боя извѣстенъ, хотя цѣль его и была достигнута: войскамъ нашимъ приказано было отступить изъ подъ губительнаго огня; но и турки, находившіеся на лѣвомъ берегу Дуная, удалились сначала на близлежащія острова, а потомъ окончательно переправились за Дунай.

И здѣсь, на бывшемъ полѣ сраженія, покоится прахъ многихъ изъ нашихъ храбрыхъ воиновъ, павшихъ въ бою: мраморная пира-

меда, увѣчанная уроной и крестоуъ, возвышается на высокоуъ зеленууъ холуъ. Это память товаришей своимъ павшимъ товарищамъ.

Нѣскольуо выше Ольтеницы, наискосокъ, лежитъ городъ *Туртукая* (Тутракань). Городъ, разбросанный по высотамъ праваго берега Дуная, съ его чистенькими домиками, съ ярко-красными крышами, съ его обширными садами, представляетъ весьма красивую картину. Православная церковь и мечеть, расположенныя въ значительномъ другъ отъ друга разстояннн, прямо указываютъ на составъ населеннн городка. И, дѣйствительно, въ составѣ 4¹/₂ тысячь жителей городка, 2¹/₂ тысячи болгаръ и до 2,000 мусульманъ. Здѣсь мы впервые замѣтили виноградныя сады, хотя и небольшн, но довольно тщательно обработанные.

Выше Туртукая, оба берега Дуная становятся довольно низменными, плоскими, хотя мѣстами и покрыты красивымъ строевымъ лѣсомъ; нагорный берегъ праваго побережья рѣки, на протяженнн верстъ двадцати, нѣскольуо отдаленъ отъ береговой линнн, но, затѣмъ, снова сближается съ нею, и далѣе, уже почти непрерывною грядою, образуетъ возвышенное правое побережье Дуная. Лѣвый берегъ, выше устья р. Аржиса, совсѣмъ низменный; обширное озеро Граяа (болѣе десяти верстъ длнны), широкою водною равниною тянется вдоль берега, не въ далекомъ отъ него разстоянн; растительность, покрывающая побережье, прямо говоритъ о болотистыхъ свойствахъ почвы; изрѣдка встрѣчаются лѣса и перелѣски, но это, по преимуществу, лусты стараго лнвяка и тому подобныхъ деревьевъ. На Дунаѣ, все чаще и чаще, встрѣчаются острова, отчасти песчаные; другн же покрыты дерновой землей, но, очевидно, заливаемые въ полу юду.

Но вотъ, часа въ четыре пополудни, вдаль показались строения валахскаго города *Журжи* (Джурджево), этого «порта» румынской столицы—Букарешта. Прежде всего, на берегу обозначается, вдающнся въ воды Дуная, небольшой желѣзно-дорожный молъ, служащн пристанью для торговыхъ судовъ, которыя здѣсь грузятся прямо съ желѣзной дороги, идущей изъ Журжи въ Букарештъ. Довольно большой товарный поѣздъ, стоявшн на оконечности мола, служилъ нагляднымъ доказательствомъ, что желѣзная дорога не безъ дѣла. Нашъ пароходъ, пройдя нѣскольуо выше, остановился у своей пристани, на которой виднѣлась разнокалиберная толпа «румыновъ», частн мѣстныхъ, но болѣе прибывшихъ съ ближайшимъ поѣздомъ желѣзной дороги изъ Букарешта, съ цѣлю воспользоваться пароходнымъ сообщеннмъ вверхъ по Дунаю. Въ толпѣ виднѣлись и офи-

церы «румынскихъ войскъ». Это были, по преимуществу, кавалерійскіе офицеры, но среди нихъ были и пѣхотинцы. Офицеры смотрѣли молодцами и, отчасти, «шикарями», что такъ свойственно высшему валахскому обществу. Покрой ихъ одежды сходенъ съ австрійскимъ, хотя шапки напоминаютъ фуражки нашихъ полицейскихъ офицеровъ, но съ большимъ украшеніемъ серебряными галунами и щатурками.

Воспользовавшись почти двухъ-часовою стоянкою нашего парохода у Журжи, мы взяли одинъ изъ ящикаей, очень напоминавшихъ наши «старосвѣтскія колыхага», и побѣжали осматривать городъ.

Городъ Журжа, въ настоящее время, пріобрѣлъ особенное значеніе, конечно, вслѣдствіе проведенія сюда желѣзной дороги изъ Бухарешта. Дорога эта, далѣе, идетъ — чрезъ Плоещти, Бузео и Браиловъ — къ Галаду. Такимъ образомъ, путь этотъ соединяетъ Журжу съ Галацомъ, и входитъ въ составъ общей линіи — Варна-Русуль-Бухарешть-Галаць (Барбози), Сучава-Черновциъ-Львовъ и т. д. При этомъ нужно имѣть въ виду, что низовья Дуная доступны для глубока-сидящихъ судовъ лишь до Журжи.

Журжа, какъ я упомянулъ выше, представляетъ какъ бы портъ Бухарешта. Городъ небольшой, имѣющій всего около 11,000 жителей. Обѣщая его, хотя и главныя, но немощныя улицы, мы убѣдились, что онъ не отличается чистотой. За исключеніемъ немногихъ зданій, большая часть домовъ плоховаты и грязноваты. Станція желѣзной дороги, расположенная на окраинѣ города, весьма скромной архитектуры. Вообще, городъ изъ весьма посредственныхъ. Возвращаясь къ пристани, мы, въ сторонѣ, видѣли, очевидно недавно выгруженныя, земледѣльческія машины и локомобили, что встрѣчались и на другихъ пристаняхъ румынскаго побережья Дуная.

Въ 6 часовъ, раздался звонокъ, и нашъ пароходъ, уже принявшій нѣсколько пассажировъ съ валахскаго берега, направился къ близъ-лежащему *Русуку*.

Русукъ лежитъ на правомъ берегу Дуная и отдѣляется отъ Журжи нѣсколькими плоскими островами. Въ этомъ мѣстѣ Дунай весьма значительно расширяется, вслѣдствіе чего становится мелкимъ, въ иную пору недоступнымъ для прохода большихъ пароходовъ. Подвигаясь весьма медленно, съ непрерывнымъ измѣреніемъ глубины воды, на пути мы встрѣтили большаго размѣровъ паровую землечерпательную машину, которая расчищала отмели Дуная. Кромѣ того, намъ встрѣчались небольшіе пароходики, которые поддержи-

вають сообщеніе между Журмой и Рущукемъ, этии исходными пунктами желѣзныхъ дорогъ: журма-букарештской и Рущукъ-Варна.

Приблизясь къ правому берегу Дуная, пароходъ нашъ прошелъ мимо пристани, прямо соединяющейя со станціей желѣзной дороги— и, подойдя къ городской пристани, остановился у красиво-развернушагося Рущука.

Рущукъ, вмѣстѣ съ Силистрією и выше лежащимъ Визданомъ, составляютъ три главнѣйшія крѣпости на правомъ берегу Дуная. Здѣсь же и постоянная станція дунайскихъ канонирскихъ лодокъ (*).

Крѣпость Рущукъ состоитъ: изъ ограды бастионнаго начертанія, горниверка, расположеннаго съ восточной стороны и обращеннаго фронтомъ къ Силистріи (отъ Рущука до Силистріи около 100 верстъ) и нѣсколькихъ передовыхъ укрѣпленій, весьма слабого начертанія. Прибрежная часть крѣпости представляется далеко не въ грозномъ видѣ: старинныя стѣны, полуразрушенныя и нерѣдко затопляемыя разливомъ Дуная. Нѣсколько воротъ ведутъ въ самый городъ. Восточная часть крѣпости, гдѣ помѣщено вышеназванное укрѣпленіе, помѣщено на возвышенномъ берегу и командуетъ рѣкою и впереди лежащею мѣстностью. Подъ выстрѣлами этого укрѣпленія, проходитъ желѣзный путь изъ Варны, рущукская станція котораго помѣщена внѣ крѣпости, на берегу Дуная; длинная лѣстница соединяетъ ее съ пароходною пристанью. Въ этомъ укрѣпленіи, составляющемъ какъ бы цитадель крѣпости, во время нашей стоянки у пристани, замѣтна была военная жизнь: раздавались звуки барабана и рожковъ, слышны были командныя слова... очевидно турецкій гарнизонъ занимался строевымъ ученьемъ.

Городъ Рущукъ смотреть совершенно турецкимъ, и притомъ военнымъ городомъ. Ближайшія же къ берегу строенія отличаются и восточною архитектурою, и восточными аксессуарами; до 15 мечетей украшаютъ городъ и придаютъ ему еще болѣе своеобразный видъ. Впрочемъ, среди возвышающихся минаретовъ, виднѣются и православныя церкви. Жителей считается въ городѣ до 21,000 человекъ, изъ которыхъ до 11,000 магометанъ и около 8,000 болгаръ; остальные евреи, армяне и проч.

Рущукъ считается однимъ изъ наиболѣе торговыхъ придунайскихъ городовъ Турціи: въ немъ, по преимуществу, сосредоточивается

(*). Турецкая дунайская флотилія состоитъ изъ трехъ панцирныхъ канонирскихъ лодокъ, двухъ шхунъ, одного галіота и изъ нѣсколькихъ небольшихъ судовъ. Панцирные суда вооружены каждое двумя большими орудіями и сидятъ въ водѣ не болѣе пяти футовъ; броня ихъ—въ три дюйма толщины. На каждомъ полагается 50 человекъ команды.

торговля Турціи съ Валахією. Кроімъ того, это конечный пунктъ варно-рушукской желѣзной дороги, соединяющей важный черноморскій портъ Турціи—Варну съ берегами Дуная (почти противъ Журжи). Протяженіе этой дороги 208 верстъ.

Принявъ пассажировъ собственно изъ города Рушукъ, нашъ пароходъ возвратился къ желѣзно-дорожной пристани, отстоящей на нѣсколько сотъ сажень ниже города. Здѣсь, благодаря неакуратности желѣзно-дорожной администраціи, намъ пришлось прождать болѣе получаса прихода поѣзда. Но вотъ раздался свистокъ, еще — и по насыпи, идущей вдоль возвышеннаго побережья Дуная, прокатилъ курьерскій турецкій поѣздъ, состоявшій изъ небольшого числа разнокалиберныхъ и некачественныхъ вагоновъ.

Публика, пріѣхавшая на пароходъ изъ Варны, и, по преимуществу, изъ Константинополя, а иѣкоторые изъ наиболее отдаленныхъ краевъ, жаловалась на неисправность поѣзда. Тутъ были: греки, румыны, нѣсколько турокъ съ совершенно европейскимъ лоскомъ, и различные одиночные представители западно-европейскихъ народовъ, въ числѣ которыхъ и неизбѣжный англичанинъ, и одинъ американецъ. Американецъ, по его словамъ, повѣренный одного обширнаго оружейнаго завода Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, снабжающаго Порту оружіемъ новѣйшихъ образцовъ. Сначала этотъ господинъ показался мнѣ совершеннымъ туркомъ: и по физиономіи, и по костюму, особенность котораго состоитъ въ красной фескѣ. Но господинъ этотъ былъ изъ весьма разговорчивыхъ, и, послѣ непродолжительной бесѣды, за послѣобѣденнымъ стаканомъ вина, высказалъ весьма много интересныхъ вещей, конечно не принятыхъ мною съ безусловнымъ довѣріемъ. Источники снабженія турецкой арміи ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ очень хорошо извѣстны; тутъ главную роль играетъ Англія, снабдившая турецкую пѣхоту своими забракованными ружьями системы Снайдера. Нашъ американецъ болѣе всего касался артиллерійскаго вооруженія, и, преимущественно, крѣпостной и морской артилеріи, и завѣрялъ, что эта статья приводится въ большой порядокъ въ турецкой арміи.

Въ 7¹/₂ часовъ пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь. Отсюда, правый берегъ Дуная становится весьма возвышеннымъ и, мѣстами, принимаетъ даже утесистый характеръ. Крутые бока его изрыты пещерами, очевидно образованными водою. Вдоль высотъ тянется небольшая горная дорожка, прерываемая небольшими домиками: это вердонная линія, невидимому, бездѣйствующая, потому что на ней не было видно ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Мѣстами, съ кру-

того берега, смущались тропинки къ берегу рѣки, вѣроятно отъ прибрежныхъ болгарскихъ селеній, скрытыхъ за высотами. У береговъ видѣлись небольшія болгарскія лодки — самой первобытной формы и постройки. Сидѣвшіе въ нихъ болгары, завидѣвъ пароходъ, торопливо выгребали къ самому берегу....

Стемнѣло, но слабый лунный свѣтъ позволялъ пароходу двигаться впередъ. Около 11-ти часовъ вечера, мы остановились противъ большаго мѣстечка *Замнице*, лежащаго на валахскомъ берегу; оно принадлежитъ богатой фамилии Ипсиланти. Затѣмъ, перешли къ *Систову*, расположенному на высокомъ и крутомъ турецкомъ берегу. Часть города раскинулась по самому прибрежью. Его вѣнчаютъ развалины старинной крѣпости, рвущіяся на самомъ грѣбѣ высоты. Систове и выше лежащій *Никополь* (старая крѣпость), ведутъ довольно значительную торговлю съ Валахіей.

За Никополеи мы прошли мимо устья р. Ольты, которая составляетъ границу между Большою и Малою Валахією. Наступившая темнота мѣшала слѣдовать за берегомъ; ночное время требовало отдыха....

IV.

ВИДИНЪ. — КАЛАФАТЪ. — ТУРНЪ-СЕВЕРИНЪ.

Путь отъ Никополя до Видина не представляетъ ничего особенно интереснаго для туриста, а потому и можно не жалѣть, что часть его мы прошли въ теченіе ночи и ранняго утра: тѣ же пологіе и частію совершенно низменныя валахскіе берега, мѣстами покрытые лѣсомъ, и тотъ же возвышенный, частію гористый правый берегъ Дуная.

Часовъ около шестъ утра, 17-го іюня, пароходъ нашъ завернулъ къ пристани города *Рахова*, лежащаго на правомъ берегу, противъ устья валахской рѣки Жіо. Небольшой городокъ Раховъ населенъ турками и болгарами. Городъ въ прежнее время былъ крѣпостцю, но въ настоящее время укрѣпленія его полуразрушены.

На противоположномъ, румынскомъ берегу находится селеніе *Бикетъ*, близъ устья рѣки Жіо; пристань этого мѣстечка служитъ какъ бы портомъ для *Краіовы*, главнаго города Малоі Валахіи, и вообще для этой части Румыніи, изъ которой сюда свозится избытокъ хлѣба. Расстояніе между Краіовой и Бикетомъ считается около 60 верстъ.

Затѣмъ, мы прошли большія турецкія селенія *Чибра-Паланка* и *Ломъ-Паланка*—оба расположенны на весьма красивомъ берегу; послѣднее особенно живописно по своему мѣстоположенію. Кроме того, нужно замѣтить, что Ломъ-Паланка отличается своею торговлею, въ особенности ковыми шкурами, которыя въ большомъ количествѣ отправляются въ Австрію, во Францію, въ Бельгію и въ Швейцарію, и идутъ на фабрикацію лайковыхъ перчатокъ.

Но вотъ пароходъ нашъ, оставивъ свое направленіе почти прямо на западъ, повернулъ къ сѣверу; здѣсь Дунай имѣетъ теченіе съ сѣвера на югъ. Въ два часа пополудни мы подошли къ извѣстной турецкой крѣпости—Виддину.

Крѣпость *Виддинъ* лежитъ на довольно плоскомъ прибрежьи Дуная, окруженномъ горами, которыя въ этомъ мѣстѣ оставляютъ береговую линію рѣки и отходятъ въ глубь страны, образуя обширную прибрежную плоскость; на этой плоской равнинѣ и расположена турецкая крѣпость Виддинъ. Ограда крѣпости съ сухопутной стороны усилена передовыми постройками; оба ея фланга упрутся въ Дунай, гдѣ возвышаются старинные бастионы; фронтъ крѣпости, обращенный къ Дунаю, не отличается выгодными условіями для упорной обороны; навѣи, полуразрушенныя стѣны (очевидно давно не ремонтированныя) не могутъ выдержать современной фортификаціонной критики. Какъ бы передовымъ фортомъ для Виддина, на лѣвомъ берегу Дуная, считаютъ валахскій Калафатъ, но объ этомъ скажемъ послѣ.

Городъ Виддинъ (Кинадова) имѣетъ вполнѣ мусульманскій видъ: значительное число минаретовъ, вмѣстѣ съ множествомъ пирамидальныхъ топочей и кипарисовъ, придаютъ городу совершенно, такъ называемый, восточный характеръ. Населеніе города простирается до 20,000 человекъ, въ числѣ которыхъ наибольшее число турокъ, болгаръ, а также армянъ, цыганъ и проч. Городъ ведетъ довольно обширную торговлю, преимущественно съ Австріею. Главнѣйшія статьи отпуска составляютъ мѣстныя произведенія Виддинской губерніи (санджакъ)—табакъ, шелкъ и виноградъ.

Когда пароходъ нашъ остановился у пристани, то огромная толпа народа покрыла берегъ; въ числѣ ихъ, самую видную роль играли весьма чисто одѣтые солдаты и разнаго рода полицейскіе чины (чауши) съ хлыстами въ рукахъ. Вправо отъ пристани, сгруппировалась значительная масса черномазыхъ оборванцевъ, разныхъ возрастовъ, но преимущественно мальчишекъ, одѣтыхъ въ лохмотья турецкаго покроя. Они подпрыгивали и припѣвали, прихлопывая въ ладоши; было очевидно, что эта процедура производится ими не-

впервые. На пароходѣ тотчасъ же явились охотники позабавиться, которые начали бросать серебряныя монеты въ толпу, что называется «на драму». И, дѣйствительно, на берегу завязалась странная потасовка: на упавшую на берегъ монету бросались десятки, образуя цѣлую кучу движущихся и борющихся тѣлъ; они вырывали другъ у друга пойманныя монеты (нѣкоторые очень ловко схватывали ихъ на лету), которыя переходили вмѣстѣ съ туманами, отъ одного владѣльца къ другому, пока не попадали въ ротъ кому-либо изъ наиболѣе догадливыхъ борцовъ. Вслѣдъ затѣмъ, забавники начали бросать монеты въ пустую барню, стоявшую у берега, на днѣ которой была вода: эта диверсія отвлекла часть оборванныхъ любостяжателей отъ мѣста главнаго побоища. Нѣкоторые ловкіе и смѣлые быстро перебрались на барню и начали нырять въ глубину ея, вылавливая оттуда, также не безъ соперничества, брошенные туда монеты. Такимъ образомъ, борьба завязалась на сушѣ, и на водѣ. Первоначально, турки, стоявшіе у пристани, довольно флегматично, съ какимъ-то спокойнымъ презрѣніемъ, взирали на эту далеко незабавную картину, и по временамъ отбрасывали отъ себя уклонившіяся отъ цѣли монеты. Но когда борьба приняла болѣе широкіе размѣры, и даже завязалась на барнѣ—то изъ толпы турокъ выдѣлилось нѣсколько чаушей, и удары хлыстовъ посылались на полуобнаженныхъ тѣла турецкихъ цыганъ—(это были, какъ я потомъ узналъ, цыгане)—которые, въ свою очередь, рассыпались по берегу, улепетывая съ пріобрѣтенною добычею.

Замѣчательно, что изъ всей толпы турокъ, въ которой были и довольно бѣдно одѣтые люди, ни одинъ не присвоилъ себѣ брошенной монеты: они отшвыривали ихъ ногами, или, поднявъ, отбрасывали въ толпу цыганъ. Вообще, было замѣтно, что нигдѣ далеко не правилась эта забава, затѣянная веселыми «глурами».

Само собою разумѣется, что ни между турками, ни между цыганами—не было видно ни одной женщины.

Простоявъ болѣе получаса у Виддина, пароходъ тронулся на перерѣзъ Дуная, и, обогнувъ большой островъ, присталъ къ лѣвому берегу рѣки, у *Калафата*.

Калафатъ лежитъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу Дуная, который значительно командуетъ надъ плоскимъ виддинскимъ побережьемъ. Часть мѣстечка, примыкающая къ берегу, нѣмѣтъ довольно красивый, хотя и скромный видъ; на возвышенномъ берегу расположена православная церковь, которая видна еще отъ Виддина. Отсюда идетъ прямой путь въ Краіову, отстоящую не болѣе 80 верстъ.

Калафать, какъ извѣстно, игралъ весьма видную роль въ послѣдней войнѣ нашей съ Турцію.

Еще до появленія турокъ у Ольтеницы, турецкія войска, въ томъ же октябрѣ (15-го числа) 1853 года, въ значительныхъ силахъ вышли изъ Виддина, и, переправившись на лѣвый берегъ Дуная, заняли Калафать. Укрѣпившись въ этомъ пунктѣ, они шѣли въ виду вторгнуться въ Малую Валахію, гдѣ, не безъ основанія, рассчитывали на помощь враждебныхъ намъ партій. Для усмиренія возмущеннаго населенія и для наблюденія за Калафатомъ и Дунайскимъ побережьемъ, были высланы отряды войскъ, въ числѣ которыхъ, наибольшей отрядъ полковника Баумгартена (*), состоящій изъ знаменитыхъ тобольцевъ—занялъ селеніе Четати. Первое дѣло, которое шѣлъ этотъ отрядъ съ турецкою кавалерією, происходило 19-го декабря, на позиціи въ селеніи Ульма, второе—геройскій бой тобольцевъ въ Четати, 25-го декабря. Этотъ бой, покрывшій безсмертною славою тобольцевъ, доставилъ командиру ихъ и начальнику отряда, полковнику Баумгартену, высокую награду—орденъ Св. Георгія 3-й степени и чинъ генераль-маіора.

Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія турецкихъ войскъ въ Виддинѣ и Калафатѣ, былъ усиленъ и нашъ отрядъ, занимавшій Малую Валахію и наблюдавшій Калафать. Въ теченіе первой четверти 1854 года здѣсь происходили непрерывныя дѣла и стычки, вплоть до того времени, когда отряду генерала Липранди, занимавшему Малую Валахію, въ началѣ апрѣля, т. е. съ прибытіемъ князя Варшавскаго, было приказано отступить за рѣку Жію, къ Крайовѣ. Турки занимали сильно укрѣпленную позицію при Калафатѣ, до 30-го мая; затѣмъ, срывши укрѣпленія, они переправились за Дунай.

Проходя вверху по Дунаю, мимо лѣваго берега рѣки, мы могли яснѣ видѣть славныя для тобольцевъ прибрежныя высоты, по гребню которыхъ танутся селенія—Фонтына—Бунудуи и Четати. Обрывистыя высоты эти отстоятъ отъ берега Дуная, приблизительно, слишкомъ на версту; самое же побережье рѣки довольно плоско, и частію болотисто.

Миновавъ славныя для русскаго оружія прибрежья Дуная, съ которыми столь тѣсно связана боевая лѣтопись Тобольскаго полка, и пройдя верстъ около 20 вверху по Дунаю, нашъ пароходъ миновалъ устье небольшой рѣки Тиможъ, составляющей границу Болгаріи и Сербіи. Отсюда оба берега Дуная становились все болѣе и болѣе возвышенными, гористыми и, вмѣстѣ съ тѣмъ, красивыми: на лѣвомъ

(*) Нынѣ генераль-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта.

берегу, по прежнему, тянулась Валахія, по правому—Сербія. Первая сербская пристань на Дунайъ была *Радусацъ*, лежащая вблизи города *Неотима*, имѣющаго около 4,000 населенія. Затѣмъ, миновавъ длинный и обширный островъ *Маре*, образуемый двумя рукавами Дуная, мы приближились къ большому сербскому селенію *Брѣна-Паланка*. Отсюда потянулись красивыя сербскія горы, покрытыя кудравымъ, дубовымъ лѣсомъ, и чѣмъ далѣе, все болѣе напоминающія *Жигулевскія горы*....

Погода переѣнилась къ худшему; сильный вѣтеръ съ дождемъ заставилъ насъ укрыться въ каютъ-кампанію; наступившая темнота запыла отъ насъ окрестные берега.... Въ 11 часовъ вечера, пароходъ остановился на ночлегъ у *Турнь-Северина*, противъ котораго, на Сербскомъ берегу, расположенъ городъ *Кладова* и остатки старинной турецкой крѣпости *Фетъ-Исламъ*. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться остановкой и осмотрѣть весьма интересную мѣстность у Турнь-Северина. Здѣсь сохранились развалины римскихъ укрѣпленій. Въ настоящее время въ Турнь-Северинѣ устроены различныя заведенія дунайскаго пароходнаго общества, почему городокъ отчасти имѣетъ нѣмецкую фязіономію.

V.

ОРСОВА. — БАВІАШЪ.

18-го іюня, рано утромъ, около 4¹/₂ часа, еще до восхода солнца, пассажиры парохода были подняты объявленіемъ, что мы приближаемся къ знаменитымъ «*Жельзнымъ воротамъ*», а затѣмъ къ австрійской границѣ, гдѣ насъ ожидаетъ недантически-строгий, таможенный досмотръ.... Все всполошилось и засуетилось: одни хотѣли любоваться, безспорно, лучшею частью дунайскихъ береговъ, другіе же хлопотали.... о припрятываніи сигаръ и табаку, и прочихъ запрещенныхъ плодовъ австрійскаго рая.... Принадлежа къ первой категоріи пассажировъ, мы поторопились выйти на палубу парохода.

Солнце еще не всходило, хотя все говорило о его скоромъ появленіи. Въ воздухѣ было порядочно свѣжо.

Мы вступили въ то мѣсто Дуная, которое сдавлено, съ лѣваго берега, отрогами Трансильванскихъ горъ, а съ праваго—высокимъ, обрывистымъ хребтомъ Сербскихъ горъ—*Митроча*—планина (горы). Сербскія горы отличаются весьма грандіознымъ слядомъ и увѣнчаны скалистыми вершинами.

Пароходъ, вслѣдствіе быстрого, встрѣчнаго теченія, тихо подвигаясь къ такъ называемымъ «Желѣзнымъ воротамъ». Шумъ его колесъ глухо гудѣлъ въ довольно узкомъ Дунаѣ, обставленномъ гигантскими, почти отвѣсными горами, мѣстами скалистыми, и по преимуществу покрытыми мудрыми лѣсомъ. Большіе орлы плавали въ воздухѣ, надъ вершинами высокихъ скалъ, уже побатровѣвшихъ отъ первыхъ лучей восходившаго солнца...

«Желѣзные ворота» — узкій, скалистый проходъ, шириною не болѣе 85 саженъ (600 футовъ), при длинѣ около двухъ верстъ. Здѣсь воды Дуная, прорываясь чрезъ узкій проходъ, вслѣдствіе подводныхъ камней, мѣстами образуютъ нѣчто въ родѣ пороговъ, болѣе или менѣе расчищенныхъ для плаванія судовъ.

За «Желѣзными воротами», на небольшомъ островѣ, расположена небольшая крѣпостца *Новая Орсова* (Ада-Бале); укрѣпленія ея снаружи представляютъ скорѣе довольно красивыя развалины стараго замка, чѣмъ крѣпость.

Миновавъ линію австро-румынской границы, пароходъ нашъ подошелъ къ *Старой Орсовѣ* (Alt-Orsowa), небольшому австрійскому городку, который видѣлся еще издали. Здѣсь пассажиры обязаны были всё свои вещи представить въ таможенную заставу, въ которой былъ произведенъ довольно тщательный досмотръ. Тому же досмотру былъ подвергнутъ и пароходъ, причемъ таможенные чиновники, что называется, обшарили всё закоулки безъ исключенія, причемъ не обошлось безъ комическихъ сценъ съ пассажирами.

Отдѣлавшись отъ этой «тяжелой необходимости» переѣзда чрезъ австрійскую границу, пассажиры снова возвратились на пароходъ, уже стоявшій у другой своей пристани; первоначально онъ насъ высадилъ на таможенную пристань.

Изъ Старой Орсовы идетъ дорога въ *Меладію*, до которой не болѣе двухъ часовъ ѣзды. Этотъ городокъ, лежащій въ предѣлахъ Банната, славится своими цѣлебными, горячими и холодными источниками, однородными съ источниками Висбадена и Аахена.

Отъ Старой Орсовы предполагается провести желѣзные пути: на востокъ — чрезъ Турно-Северинъ, Краіову въ Питешти, откуда уже строится дорога на Букарештъ; а на западъ — до Базіаша. Кроме того, существуютъ и другіе проекты.

Простоявъ у Старой Орсовы около 1½ часовъ, пароходъ нашъ, въ 7 часовъ утра, двинулся далѣе, вверхъ по Дунаю. Тѣ же величественно-красивыя берега обрамляли воды Дуная, который здѣсь имѣетъ довольно извилистое теченіе. По лѣвому берегу рѣки видѣ-

лось очень хорошо сооруженное шоссе, проложенное у подошвы утесистых и обрывистых горъ, почти отвѣсно спускающихся въ воды Дуная. Шоссе это соединяетъ Старую Орсову съ Бѣлой Церковью (Weisskirchen). На другомъ, правомъ берегу еще ясно замѣтны остатки и обрывки пути времени римскаго владычества: дорога эта мѣстами врывается въ скалы Сербскаго берега, образуя какъ бы полуоткрытую каменную галерею. Говорятъ, что во многихъ мѣстахъ сохранились римскія надписи.

Далѣе, прибрежныя скалы становятся еще оригинальнѣе и красивѣе; нерѣдко встрѣчаются глубокія пещеры, какъ у подошвы горъ, такъ и близъ ихъ вершинъ. Изъ наиболѣе замѣтельныхъ мѣстъ слѣдуетъ упомянуть о довольно узкомъ проходѣ — «*Kazani*» и о весьма характерной скалѣ съ развалинами — *Babalani*, лежащей посреди широкаго разлива рѣки, надъ которою она возвышается на нѣсколько саженъ. Противъ этой скалы, на Сербскомъ берегу, виднѣются грандіозныя развалины стариннаго замка *Голумбача*, за которыми лежитъ мѣстечко того же имени.

Въ два часа пополудни, 18-го іюня, пароходъ остановился у пристани *Базіаша*.

Такимъ образомъ, весь путь отъ Одессы до Базіаша, моремъ и вверхъ по Дунаю, вмѣстѣ съ остановками и ночлегами, исполненъ въ теченіе около четырехъ сутокъ (92 часа).

Базіашъ расположенъ на лѣвомъ берегу Дуная. До соединенія его желѣзныя пугомъ съ Вѣною—это былъ небольшой православный монастырь. Теперь же постепенно содѣлалось мѣстечко, расположенное у подошвы высотъ. Среди его зданій первое мѣсто занимаетъ обширная станція желѣзной дороги, устроенная въ видѣ гостиницы, съ нѣкоторыми удобствами для проезжающихъ. Населеніе мѣстечка, повидимому, состоитъ почти исключительно изъ лицъ, служащихъ при желѣзно-дорожной администраціи, при пароходствѣ и проч.

Прибывши на станцію Базіашъ—исходную точку желѣзнаго пути на Вѣну—мы узнали, что ближайшій поѣздъ пойдетъ въ 6¹/₂ часовъ вечера (слѣдовательно черезъ 4¹/₂ часа), и прибудетъ въ Вѣну, на другой день, въ 6¹/₂ часовъ вечера (сутки пути).

У станціи желѣзной дороги стоялъ поѣздъ, приготовленный для прибывшихъ пассажировъ. На вагонахъ виднѣлся венгерскій гербъ; мы были въ предѣлахъ Транслейтаніи, но на землѣ, населенной словенами и сербами. Здѣсь встаетъ сказать, что венгерскій гербъ—равно выставляемый всюду въ предѣлахъ земель венгерской короны—

состоитъ изъ двухъ частей: мадьярской и словенской. Первая обозначена четырьмя бѣлыми полосками, означающими четыре рѣки, между которыми осѣли мадьяры, а вторая—три зеленыхъ горы, на которыхъ водруженъ восьмиконечный православный крестъ словенскій.

Нашъ поѣздъ, вмѣсто 6¹/₂ часовъ вечера, 18-го іюня, тронулся въ путь лишь въ 7¹/₂, часовъ утра другого дня, 19-го іюня. Оказалось, что на первой станціи — Бѣлой церкви (Вейскирхенъ), поѣздъ, шедшій въ Базіашъ, сошелъ съ рельсовъ и преградилъ путь. Вслѣдствіе этого несчастнаго случая, стоившаго жизни тремъ желѣзно-дорожнымъ служителямъ — насъ продержали въ Базіашѣ около 13-ти часовъ, отгадывая съ часу на часъ отъѣздъ поѣзда.

Утромъ, 19-го іюня, мы прибыли къ мѣсту вчерашней катастрофы. Паровозъ и тендеръ — глубоко врѣзались въ землю и въ рельсы. Намъ пришлось перейти въ другой, посланный сюда изъ Темешвара, поѣздъ. Вкругомъ толпилось окрестное населеніе и солдаты военной границы (граничары). Оказалось, что первые состояли по преимуществу изъ сербовъ и словенъ. Я подошелъ къ толпѣ, и, прислушавшись къ ихъ говору, вступилъ съ ними въ разговоръ. Мы другъ друга вполне понимали: нѣкоторые тотчасъ же узнали во мнѣ русскаго; другіе же, особенно крестьяне, удивлялись, что я ихъ такъ хорошо «разумѣю». Тогда одинъ, повидимому кузнецъ, обратившись къ нимъ, сказалъ: «А якъ же—вѣдь ми братья!»

Въ числѣ солдатъ оказалось немало чеховъ—такъ какъ въ Бѣлой церкви расположена музыкантская школа. Солдатики смотрѣли чисто «кантонистами»—такъ они были молоды. Они говорили, что очень охотно занимаются музыкой—такъ какъ она имъ впоследствии «дастъ хорошій хлѣбъ». Каждый изъ нихъ учится играть на нѣсколькихъ инструментахъ; наиболѣе способные — и на скрипкахъ. По своей формѣ одежды они отличались отъ рядовыхъ солдатъ нашивкою на воротникѣ небольшою, оловянною «лярою». Это же отличіе сохраняютъ въ Австріи и всѣ вообще военные хоры и оркестры, не исключая и капельмейстеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые, кстати сказать, вполне артисты.

Но вотъ раздался звонокъ и звичный крикъ оберъ-кондуктора: «Einsteigen sie meine Herrn». Все усьлось по вагонамъ. Поѣздъ тронулся и покатилъ по гладкимъ, болотистымъ равнинамъ Венгріи.

Лавр—ъ.

10-го іюля 1871 года.